

Лу Хуйшэнь, невзирая на молодые годы, уже стяжал славу одного из ведущих мировых специалистов в области клинической психологии. Очередь к нему на приём растянулась до самого конца следующего года.

Согласно графику, сейчас гениальный психолог должен был выступать на симпозиуме на Столичной базе. Если бы кто-то из его знакомых узнал, что он внезапно объявился в Юньчэне, это вызвало бы немалое изумление.

Лу Хуйшэнь отказался от участия в престижной конференции и прибыл в этот пограничный город ради одного-единственного человека — заместителя командира «Ханьцяо» Фу Яньсю.

«Ханьцяо» — подразделение стратегического назначения, элита спецназа, призванная решать самые сложные международные задачи. Это клинок, нацеленный в самое сердце врага, безмолвные тени, несущие своё бремя на обратной стороне государственного величия.

Членов в отряде немного, но каждый — лучший из лучших. Личные дела бойцов проходят под грифом «S», а доступ к ним имеют лишь несколько человек в стране.

«Клинок из ножен — смерть без промедления». В высших эшелонах военного командования эта истина не подлежала сомнению.

Каждое задание «Ханьцяо» было связано с событиями мирового масштаба. Солдаты видели слишком много крови, и психологическая поддержка становилась для них жизненно необходимой.

Лу Хуйшэнь вырос в семье военных, что позволило ему после суровых проверок войти в состав тыловой службы «Ханьцяо», отвечая за душевное здоровье передового отряда. Строго говоря, частная практика была для него лишь побочным увлечением.

Лу повидал немало талантливых ребят, которые, не выдержав давления, ломались, возвращались в свои части или вовсе ставили крест на карьере.

Фу Яньсю он знал давно. Ему всегда казалось, что, даже если всё человечество разом лишится рассудка, капитан Фу — человек с железным стержнем и повадками старого лиса — будет лишь посмеиваться, глядя на этот цирк.

Но на сей раз дрогнула даже эта незыблемая опора.

Три месяца назад Фу Яньсю повёл группу из пяти человек на границу, чтобы уничтожить синдикат работарговцев. Обычная миссия, которую капитан при его талантах должен был щёлкнуть как орех. Однако итогом стали трое погибших и двое раненых, а сам Фу едва не лишился левой ноги.

Спасённые бойцы пребывали в беспамятстве, поэтому следствие сосредоточилось на показаниях капитана.

Фу Яньсю утверждал, что так и не увидел врага. К тому моменту, когда он понял, что происходит, трое его товарищей просто исчезли. Именно исчезли: мгновение назад они стояли перед ним, а в следующее — растворились в воздухе, не оставив следа.

Никаких ловушек, никакого высокотехнологичного оружия. Они даже не заметили противника, а их соратники просто пропали. Безвозвратно.

На этом Фу Яньсю настаивал с пугающей твёрдостью.

Но слова его звучали абсурдно. Если они не видели врага, то откуда взялись раны? Если противник был столь могущественен, как им удалось выжить?

Фу Яньсю не стал бы лгать организации — значит, пострадало его восприятие.

Спутанность памяти, провалы в логике, эмоциональная нестабильность, вспышки апатии или неконтролируемой ярости — классический ПТСР.

Фу Яньсю, в отличие от сослуживцев, не отправили на принудительную реабилитацию, но обязали проходить курс лечения. Его лечащим врачом стал Лу Хуйшэнь.

Когда состояние Фу стабилизировалось, он запросил разрешение продолжить расследование, однако командир «Ханьцяо», решив, что подчинённому нужна разрядка, настоял на отпуске.

Вероятно, в моменты уязвимости человек подсознательно стремится туда, где может в одиночестве залечить раны. У Фу Яньсю не было желания путешествовать, и он вернулся в Юньчэн — город, в котором вырос.

Лу Хуйшэнь и руководство были только рады, надеясь, что родные места помогут Фу выйти из тени прошлого.

Но вскоре после приезда капитан случайно обнаружил связь одного из местных ночных клубов с тем самым синдикатом. К моменту, когда Лу Хуйшэнь получил известие и примчался на помощь, Фу Яньсю уже успел внедриться в клуб в качестве осведомителя полиции.

Лу ничего не оставалось, кроме как смириться.

Кто-то после травмы бежит от реальности, кто-то предпочитает смотреть в бездну. Фу Яньсю не из тех, кто поджимает хвост.

«Развязать узел может лишь тот, кто его завязал». Проваленная миссия стала демоном Фу Яньсю, и только одолев его, сокрушительный клинок «Ханьцяо» сможет по-настоящему вернуться в строй.

Как боевой товарищ, Лу Хуйшэнь обязан был поддержать решение Фу. Пусть даже нынешнее психическое состояние капитана совсем не располагало к оперативной работе.

Лу предчувствовал: это внедрение станет для Фу шансом на возрождение.

И он не ошибся, хотя предчувствие и дало небольшую осечку.

Лу Хуйшэнь поправил очки в золотой оправе, на его лице отразилось странное умиротворение:

— Тебе и впрямь пора бы влюбиться.

В ответ капитан одарил его взглядом, полным искреннего ужаса:

— Старина Лу, ты в своём уме?

Стоит ли напоминать, что за доктором Лу закрепилась слава человека, для которого «люди не имеют секретов, а изучение брачных игр собак куда интереснее свиданий»? Он не раз доводил признававшихся ему девушек до слёз своим холодным анализом.

И вот теперь этот сухарь, чуждый земных страстей, всерьёз советует кому-то завести роман?

Фу Яньсю передёрнуло:

— Не смотри на меня с таким выражением. Аж кулаки чешутся.

Лу Хуйшэнь, вспомнив прошлое, не нашёл в своих поступках ошибки:

— Не паясничай. Я даю тебе профессиональный совет как психолог.

Вернувшись с границы, Фу Яньсю вёл себя как обычно: смеялся, шутил, балагурил. Он был тертым калачом, и если не хотел показывать слабость, даже Лу Хуйшэнь мог обмануться его маской.

Но в этот раз Лу заметил в друге несвойственную ему расслабленность.

«Раз лекарство для старины Фу найдено, нужно сделать так, чтобы оно всегда было под рукой».

Вслух же он произнёс:

— Тот факт, что первым делом ты уставился на его губы, говорит об одном: либо ты извращенец, либо безнадежный холостяк, дошедший до крайней степени голода.

Фу Яньсю выдал ледяной смешок.

— Здоровые отношения помогают снять стресс, — продолжал Лу Хуйшэнь. — Похоже, твоя судьба наконец-то постучалась в дверь. Любовь часто толкает людей на безрассудства. Это вполне объяснимо.

— Ты скоро закончишь?.. — проворчал Фу.

— Ладно, давай к делу.

Поняв, что шутки кончились, Лу Хуйшэнь посерьёзnel:

— На тебя это не похоже. В чём твои сомнения? Мне уже не терпится увидеть человека, который заставил вечно решительного капитана Фу топтаться на месте в нерешительности.

«Если бы я не знал наверняка, что чтение мыслей невозможно, я бы заподозрил Лу в телепатии».

Об этом говорили многие. Лу Хуйшэнь не читал мысли, он читал души. Фу Яньсю ничуть не удивился тому, что доктор по паре фраз догадался: Линь Шу — птица непростая.

— Он... особенный.

При мысли о Линь Шу капитан на мгновение запнулся, но решил быть откровенным.

— Стоило мне его увидеть — я ещё и лица-то толком не разглядел, — как сердце предательски зашлось в бешеном ритме. Словно... словно я ждал его целую вечность. Как только его фигура возникла передо мной, я сразу понял: это он.

Стёкла очков Лу Хуйшэня блеснули.

Фу Яньсю машинально потянулся за сигаретой, но он нащупал пустоту. Он вспомнил, что твёрдо решил бросить, и пачка давно гниёт в мусорном баке. В этот момент перед его глазами появилась упаковка жевательной резинки.

Фу закинул в рот две подушечки. Острый вкус мяты ударил в голову, проясняя мысли.

Помолчав, он усмехнулся:

— Звучит дико, правда? Только встретив его, я осознал, что во мне ещё жива эта сентиментальность, эта готовность броситься в омут с головой.

Лу Хуйшэнь умел слушать.

— И что дальше?

— А дальше то, что я впервые позволил личным чувствам вмешаться в задание.

Фу Дамин был неразговорчивым хромым мужиком, привыкшим терпеть выходки клиентов. Когда в клубе завязывалась драка, по инструкции он должен был доложить менеджеру и вызвать «скорую».

Но увидев, как Линь Шу нападает на людей, капитан ощутил, как сердце пропустило удар, а следом накатила волна досады — словно на непутёвого младшего. Повинуясь инстинкту, он схватил этого холодного юношу и принялся отчитывать.

— В итоге я спугнул дичь. Подозреваемый почуял неладное и дал дёру. Пришлось экстренно сворачиваться. Операция провалена, и вина целиком на мне.

Вспоминая свою реакцию на Линь Шу, Фу Яньсю до сих пор не мог прийти в себя от изумления.

— Ты считаешь, что такая эмоциональность ненормальна, — констатировал Лу Хуйшэнь.

— Именно, — кивнул Фу Яньсю. — Чувство вспыхнуло слишком резко, слишком необъяснимо. Словно поезд, потерявший управление на полном ходу... Я не люблю терять контроль. К тому же он чертовски хорош в бою.

Если уж сам Фу Яньсю отметил чьи-то навыки, значит, этот человек был невероятно опасен.

Лу Хуйшэнь мгновенно уловил истинную причину терзаний друга:

— Ты его опасаясь?

— А разве не должен? — Фу Яньсю ответил вопросом на вопрос, и в голосе его звучала непоколебимая логика.

Нет, обычный человек просто нырнул бы в омут страсти, став рабом любви, и принялся бы

осаждать объект своего обожания.

Лу Хуйшэнь за свою карьеру навиделся всяких чудаков и привык сохранять невозмутимость, но Фу Яньсю сумел преподнести ему новый «сюрприз».

— Человеческий мозг — это вечная борьба рационального и эмоционального, — терпеливо начал Лу Хуйшэнь. — То, что ты не сталкивался с этим раньше, не значит, что такого не бывает.

«Сам влюбился, сам же и подозреваешь его в чём-то. Будь я на месте того парня, я бы уже сто раз проклял тот день, когда встретил тебя. Старый ты пёс, Фу».

Фу Яньсю холодно усмехнулся:

— Ты бы сам поверил в эти сказки?

Лу Хуйшэнь на миг поставил себя на место капитана.

Холодная машина для убийства, чуждая мирской суеты, вдруг теряет голову от первого встречного. Чувства настолько сильны, что рушат операцию, а объект симпатии подозрительно ловок и явно принадлежит к той же породе хищников.

Слишком много совпадений. Слишком похоже на изощённую ловушку. А люди их профессии в совпадения не верят.

Лу Хуйшэнь вздохнул:

— Ты просто не можешь смириться с тем, что разум пасует перед чувствами.

Фу Яньсю закинул в рот ещё три конфеты:

—... Не без этого.

Мягкий голос доктора, словно скальпель, вскрыл его тайну, спрятанную под ворохом оправданий. Наконец-то Фу Яньсю смог честно взглянуть в лицо собственному сердцу.

Досье Линь Шу он знал назубок: сын богатых родителей, жизнь — гладкая дорога без кочек. Ничего примечательного.

Но тот Линь Шу, которого он встретил, не имел ничего общего с бумажным образом.

Его Линь Шу был холодным, безжалостным и совершенно не ценил чужую жизнь. Умирали ли люди у него на глазах, паразитировали ли на них инородные виды — на лице юноши не дрогнул ни один мускул.

Линь Шу соблюдал законы общества не из уважения к ним, а лишь потому, что пока не видел смысла их нарушать.

Фу Яньсю интуитивно чувствовал: Линь Шу отпустил Тань Сяо лишь потому, что взвесил все «за» и «против», а вовсе не из страха.

Этот человек был его сородичем. В этом он был уверен с первой секунды. Но он и подумать не мог, что однажды полюбит себе подобного.

— Понимаешь, каково это? — Фу Яньсю тяжело вздохнул. — Хотеть быть рядом и в то же время не спускать с него глаз. А когда видишь, что реальность расходится с документами, подозрения сменяются жгучим желанием выведать все его секреты.

«Не понимаю и понимать не хочу. Ну и задачку ты себе выбрал, капитан. Это же уровень сложности "ад"».

Лу Хуйшэнь решил уточнить:

— Подозреваешь в нём антисоциальное расстройство?

Фу Яньсю так не думал. Несмотря на видимое безразличие Линь Шу к смерти, инстинкт подсказывал капитану: тот не чудовище.

Лу Хуйшэнь облегчённо выдохнул:

— Значит, ты его проверял?

— Проверял, — подтвердил Фу Яньсю.

Лу Хуйшэнь затаил дыхание. Неужели старая коряга наконец зацвела, чтобы тут же засохнуть, так и не дав плодов?

— И он заметил?

Фу Яньсю невольно выпрямился, в его голосе прозвучала гордость:

— Он даже не рассердился. Просто проверил меня в ответ. Мы стоим друг друга. Идеальная

пара.

Лу Хуйшэнь опешил:

—... Это ты сейчас хвастаешься?

— А то! Он мне в любви признался, теперь вот думаю, принимать ли его чувства.

Под неверующим взглядом доктора Фу Яньсю расцвёл от самодовольства.

— В конце концов, я первый в отряде, кто завязал отношения. Причём с первого раза. Я как ответственный командир просто обязан поделиться опытом с вами, одинокими псами.

Лу Хуйшэнь лишился дара речи.

Всё ясно. Старый пёс остался старым псом, а он, Лу, — дурак, раз так переживал за личную жизнь этого пройдохи.

Тьфу!

— Мои расценки ты знаешь, — бросил психолог, поднимаясь с места. Он принял бесстрастный вид. — Сейчас час сорок пополудни. Наша беседа длилась два часа и одиннадцать минут. Изволь перевести деньги на мой счёт.

— Эй, не будь таким жадиной, я же просто пошутил...

Фу Яньсю наконец почувствовал облегчение, чего нельзя было сказать о виновнике его душевных терзаний.

Линь Шу решил задержаться в Юньчэне на неделю, и эти семь дней он не собирался сидеть сложа руки.

Сверившись с часами — как раз наступил обеденный перерыв, — он набрал номер Линь Ле.

Брат ответил почти мгновенно.

— Гэ, боюсь, в ближайшие дни я не вернусь... Да, я оказался втянут в одно дело, придётся остаться в Юньчэне для дачи показаний.

Услышав на том конце встревоженные расспросы, Линь Шу невольно улыбнулся, и взгляд его

смягчился.

— Всё в порядке, не нужно приезжать. Я просто случайный свидетель. Как только закончим, сразу домой... Да, я буду осторожен. И ещё: всё, что здесь произошло, кажется мне очень странным...

Очнувшись, Линь Шу не раз порывался предупредить родных о грядущем апокалипсисе, чтобы они успели подготовиться. Многие ресурсы Корпорации Линь могли бы сослужить им добрую службу.

Но рассказ о конце света неизбежно поднял бы вопрос о его перерождении. Прошлый раз был слишком горьким, его семья закончила свои дни трагически, и он не хотел, чтобы родители и брат вновь проходили через эту боль.

Случай в баре «Цзиюэ» с мутировавшим одуванчиком стал идеальным предлогом, чтобы начать этот разговор.

<http://bllate.org/book/17473/1693613>